

Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова / Сост. И.А. Тарасова. Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. 208 с.

Словари языка писателей, созданные в последнее десятилетие, различаются по своим типологическим характеристикам, целеустановке, объему, адресату и т.д. (см. об

этом [Шестакова 2007]). Особое место среди них занимают справочники, материал которых выводит на основные категории художественного мышления описываемого автора.

Именно к ним относится опубликованный в 2008 году «Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова».

Творчество Г. Иванова, ведущего поэта русской эмиграции, мало изучено в лингвистическом отношении. Нельзя, правда, сказать, что оно не было до сих пор предметом лексикографического описания. Строки поэта находим в писательских словарях сводного типа, строящихся на материале произведений большого ряда авторов. Это такие издания, как «Словарь поэтических образов» [Павлович 1999], «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. I: “Птицы”» [Кожевникова, Петрова 2000], «Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.)» [Иванова Н., Иванова О. 2004]. В названных словарях представлена, в определенном объеме, образная составляющая поэзии Г. Иванова (заметим, что источником «Словаря языка поэзии» послужило то же издание произведений поэта, на которое опиралась автор рецензируемого справочника). Однако они, конечно, не могут претендовать на решение задач собственно авторского словаря, в особенности нацеленного на воссоздание художественной картины мира поэта.

Выходу в свет «Словаря ключевых слов поэзии Георгия Иванова» предшествовала публикация его автором монографии «Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект» [Тарасова 2003]. Здесь, в отдельной главе «Лексикографическое описание индивидуальной концептосферы», кроме представлений о способах оформления концептуальной информации в словарях языка писателя, дается развернутое изложение принципов, легших в основу словаря ключевых слов Г. Иванова. В более кратком варианте, но с сохранением основных идей, эта часть монографии вошла в словарь в качестве Предисловия.

По своим базовым типологическим свойствам рецензируемый словарь относится к одноязычным дифференциальным авторским словарям. Не будучи полным по словнику (в отличие, например, от Словаря языка Марины Цветаевой [СМЦ] – поэта той же эпохи), данный справочник является полным по представлению значений и употреблений слов, что дает возможность отнести его к толковым писательским словарям. Несомненную новизну справочнику придает использование тезаурусного параметра, вводящее его в пространство словарей-тезаурусов, в которых отношения между дескрипторами и их партнерами представлены в явном виде. Опираясь на понятие лексических функций (описанных в работах И.А. Мельчука, А.К. Жолковского, Ю.Д. Апре-

сяна), И.А. Тарасова впервые в поэтической лексикографии использует их для систематизации семантических отношений в отдельном идиостиле. С применением более чем 30 лексических (тезаурусных) функций описываются семантические связи между ключевым словом и его идиостилевыми партнерами.

В качестве ведущих признаков словаря необходимо отметить и его комплексный характер, определяемый многоплановостью информации об описываемых лексемах. Помимо обычных для объяснительного писательского словаря параметров, в словарную статью включен и параметр словообразовательный. Почти каждая ключевая лексема имеет сопровождение в виде ряда производных, что позволяет говорить о своеобразной реализации в словаре Г. Иванова принципа гнездования. В авторской лексикографии алфавитно-гнездовые словари практически не встречаются, тем ценнее опыт И.А. Тарасовой, демонстрирующий плодотворность названного принципа для описания пласта ключевых слов в авторском лексиконе.

Словарь дифференциального типа предполагает выработку принципов отбора заголовочных единиц. Очевидно, что общая задача описать ключевые слова как семантически и эстетически нагруженные элементы идиостиля включает в себя ряд частных задач. И важнейшая из них – определиться с наполнением самого понятия «ключевые слова». Учитывая общепринятые формально-содержательные характеристики таких единиц, И.А. Тарасова выдвигает на первый план статистический и в особенности семантический их аспекты. Создание вначале частотного словаря поэзии Г. Иванова (который, кстати, послужил бы хорошим дополнением к основному корпусу словаря), сопоставление его с общеязыковыми и авторскими частотными справочниками, формирование предварительного списка ключевых слов и затем скрупулезная работа по их семантической оценке позволили автору выбрать 25 единиц для описания в словаре. Это лексемы: *ад, Бог, весна, вечность, дом, душа, жизнь, закат, заря, звезда, лететь, музыка, нежный, поэзия, рай, роза, Россия, синий, сияние, смерть, снег, судьба, счастье, торжество, черный*. Общий взгляд на список ключевых слов показывает, что его составляет по преимуществу лексика понятийная, категориальная: из 25 единиц только три признаков слова (*нежный, синий, черный*) и одно слово действия (*лететь*). Такой расклад наглядно демонстрирует основные координаты поэтической картины мира Г. Иванова, выделение и рассмотрение их – безусловное достоинство словаря.

Конечно, не может не вызывать вопросы наличие среди ключевых слов ряда единиц общепозитического свойства. Почему, например, в список введены лексемы *заря* и *звезда*? Почему есть слово *душа*, но нет *сердце*? Предвидя такие вопросы, автор специально отмечает, что именно в процессе многоступенчатой обработки лексики были исключены из списка некоторые высокочастотные слова с традиционной семантикой, но оставлены слова средней частоты, подвергшиеся индивидуально-авторским семантическим преобразованиям и переосмыслениям разного рода (с. 4). Возникает и другой вопрос – почему ключевых слов именно 25 и насколько они отражают творчество поэта в целом, в совокупности разных его периодов (для ранней лирики значимым может быть признано, например, слово *ветер*, частотность которого создается повторяемостью как в разных, так и в одних и тех же стихотворениях)? Ответ на этот существенный вопрос в Предисловии к словарю не дается. Вместе с тем он содержится в упомянутой монографии, причем включает очень важное замечание об ориентации словаря на позднее творчество Г. Иванова, в котором, собственно, и сложилась его поэтика: «Ограничение списка 25 словами, конечно, условность. Он вполне может быть расширен, например, за счет таких лексем, как “мир”, “небо”, “друг”, “свет”, “голубой”. Чрезвычайно интересна, на наш взгляд, концептуальная значимость предлога “сквозь”, показателя авторской модальности “может быть”. Это материал для дальнейших исследований. С другой стороны, в Словаре присутствует неявно выраженная установка на отражение концептуальных особенностей идиостиля позднего Г. Иванова. Частотный словарь, отражающий раннее творчество поэта, выдвигает в фокус анализа другие слова-фавориты: “луна”, “ветер”, “любить”, “зеленый”, “милый” и т.д. Однако их семантика, на наш взгляд, более традиционна и, следовательно, менее интересна» [Тарасова 2003: 213–214].

Ядро словника, образуемое ключевыми единицами, дополняется в словаре 169 производными лексемами. Они, в отличие от ядерных, не требовали процедуры отбора – здесь представлены все слова из лексикона Г. Иванова, образованные от ключевых единиц. Последние, по количеству производных (в состав которых входят и авторские новообразования), заметно отличаются друг от друга. Ср.: АД – нет производных, ЛЕТЕТЬ – 16, МУЗЫКА – 1, РАЙ – 1, СИНИЙ – 11, СМЕРТЬ – 14 и т.д. К сожалению, в словарь не включен совокупный список (указатель) производных лексем,

который помог бы пользователю получить представление о составе и типах дериватов, а тем самым – о степени и характере реализации в стихах Г. Иванова словообразовательного потенциала базовых слов.

Как удачную можно оценить общую – разветвленную структуру словаря, выступающую в виде композиции из двух типов статей – базового (макростатья) и вложенного (микростатья) (см. с. 6). Входом в одном случае выступает ключевое слово (заголовочная лексема первого уровня), в другом – производное (заголовочная лексема второго уровня). Заметим, что И.А. Тарасова не вполне традиционно использует термины «макроструктура» и «микроструктура» словаря, соотнося их с совокупностями разнотипных словарных статей. Это, впрочем, едва ли введет в заблуждение читателя, привыкшего к иной отнесенности этих терминов – к понятиям словника и словарной статьи.

Цельность словарю придает единство модели статей первого и второго порядков. По своей общей организации словарная статья ориентирована на достаточно полное представление информации о слове. С этим связана, прежде всего, хорошо продуманная схема словарной статьи, включающая большое число зон. Разные проявления ключевых слов в текстах Г. Иванова показывают зоны статистическая, грамматическая, стилистическая, семантическая, иллюстративная, фразеологическая, зона лексических функций.

Статистический принцип, сыгравший, как отмечалось, важную роль при определении состава ключевых слов поэта, нашел отражение в структуре словарной статьи. Частотный показатель при заголовке статьи сопровождает и ключевые слова, и их производные (кроме слов единичного употребления). Ценность этого показателя многосторонняя. Он демонстрирует, в частности, принадлежность к ключевым словам поэта единиц с очень разной абсолютной частотой – ср.: АД – 10, РОЗА – 77, РОССИЯ – 18, ЧЕРНЫЙ – 51; различные количественные соотношения ключевых и производных слов – ср.: ЖИЗНЬ 70 – жить 24, житься 1, живой 14; ВЕСНА 48 – полувесна 1, осень-весен 1, весенний 10, предвесенний 2, по-весеннему 1. Такие показатели, как ПОЭЗИЯ – 7, поэт – 41; СМЕРТЬ 21 – умереть / умирать 28 и под. ясно высвечивают роль дериватов в вербализации концепта, основным носителем которого является ключевое слово.

Представляется, что общая частота в зоне заголовка могла бы быть дополнена количественными данными при отдельных значениях слов. В особенности это касается больших

и средних по объему статей, раскрывающих семантическую структуру слова в виде целого ряда значений, дробящихся на подзначения и оттенки значений. См., например, статью ДУША (62), в первом из трех значений которой выделен оттенок, в третьем – три подзначения (a, b, c).

Ориентиром при конструировании зоны толкования послужили для И.А. Тарасовой словари горьковской серии (в первую очередь «Словарь автобиографической трилогии М. Горького» [САТГ]), в которых воплотились разработанные Б.А. Лариным принципы детализированного семантического описания авторского слова. Понятно, что наиболее полно в словаре Г. Иванова отражена семантическая информация о ключевых лексемах. Выстраивая статьи по традиционному принципу подчинения более мелких смысловых делений более крупным, производных значений исходным, автор фиксирует случаи диффузности значений (используется помета совмещ.) и, что особенно ценно, эксплицирует индивидуальное осмысление поэтом тех или иных слов. В результате в статьях можно проследить эволюцию словоупотребления Г. Иванова – от прямых и переносных (общезыковых и общепозитических) значений к авторским образно-символическим. Интересные примеры в этом отношении, а также в плане выделения индивидуально-символических значений и переосмысления традиционно-поэтической символики дают сложные по своей организации словарные статьи ЗАКАТ, ЗАРЯ, СИЯНИЕ и др. Например, в первой статье своеобразно противопоставляются традиционное значение 'символ конца, гибели чего-л.' и авторское 'символ возможного счастья, мировой красоты, существующих наперекор смерти и судьбе' (ср.: «Мне все мерещится тревога и *закат*, И ветер осени над площадью Дворцовой; Одет холодной мглой Адмиралтейский сад» – и: «Пожалуй, нужно даже то, Что я вдыхаю воздух, Что старое мое пальто *Закатом* слева залито, А справа тонет в звездах»). Во второй статье выделяется значение 'символ обреченности и конца', включающее оттенок 'символ смерти' («Над белым кладбищем сирень цветет, Над белым кладбищем *заря* застыла, И я не вздрогну, если скажут: «Вот Георгия Иванова могила...»). Значения такого рода, конечно, трудноуловимы, выявляются, как правило, на фоне достаточно широкого контекста, хотя и он далеко не всегда способен подтвердить наличие выделенного символического значения у конкретного слова. В тех же случаях, когда контекст минимален, соотносительность слова с декларируемым символическим смыслом

кажется иногда субъективной. Так, в статье ВЕСНА первой иллюстрацией к значению 'символ смерти' служат строки: «Черные ветки качаются, Пахнет *весной* и травой». Хорошо известно, что смерть и весна у Г. Иванова «странным образом не исключают друг друга, а находятся <...> в каком-то патологическом единстве» [Кублановский 1995: 13]. Однако если и говорить о наличии символического ореола у приведенных строк, то связать его можно, скорее, со словом *черный*. В статье ЧЕРНЫЙ аналогичное значение иллюстрируется тем же примером, но, заметим, в расширенном варианте: «Медленно и неуверенно Месяц встает над землей. *Черные* ветки качаются, Пахнет *весной* и травой». Обращение к другим строкам, данным в рамках значения 'символ смерти', показывает, что у Г. Иванова само сочетание *черные ветки* выступает неким символическим знаком. Ср.: «Так иль этак. Так иль этак. Все равно. Все решено Колыханьем *черных* веток Сквозь морозное окно»; «*Черные* ветки, шум океана, Звезды такие, что больно смотреть, Все это значит – поздно иль рано Надо и нам умереть...». Возвращаясь к статье ВЕСНА, зададимся вопросом, насколько символично само это слово в приведенных строках? Ведь такое его употребление сопоставимо со стихами, выбранными для иллюстрации прямого значения слова *весна* ('время года между зимой и летом'), например: «Как грустно и все же как хочется жить, А в воздухе пахнет *весной*. И вновь мы готовы за счастье платить Какою угодно ценой».

Примеры, подобные приведенным, свидетельствуют о необычайной сложности работы с ключевым лексиконом Г. Иванова, которая предшествовала его собственно словарному оформлению. Сказанное касается и представления в словаре различных видов лексической образности, способы подачи которых в основном восприняты автором из словарей горьковской серии. Имеем в виду, например, использование нескольких видов помет для передачи сравнений, олицетворений и т.д. (см. об этом с. 12–13 Предисловия). Выборка материала по таким пометам – хорошее подспорье исследователю в выявлении у Г. Иванова преимущественных видов образных употреблений поэтического слова.

Давая выше параметрическую характеристику словарю, мы не отметили полноту реализации иллюстративного параметра. Наличие всех контекстов употребления заголовочных слов с указанием соответствующих страниц источника [Иванов 1993] особенно важно для пользователей, нацеленных на применение материалов словаря в собственных

разработках. Дополнительную весомость названному параметру придает наличие послепомет (помет к контекстам) различного содержания. В авторской лексикографии существует определенный опыт использования помет такого рода – как отдельных, так и в сочетании друг с другом (из современных словарей их широко применяет «Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП]). В словаре Г. Иванова специфическую лингвопоэтическую информацию несут такие послепометы, как **Контраст**, **В сополож.** (в соположении), **В паралл.** (в параллелизме), **Силлепс**, **Иносказ.** и др., например: «Здесь в лесах даже *розы* цветут, Даже пальмы растут – вот умора! Но как странно – во Франции, тут, Я нигде не встречал мухомора» (**В паралл.** **Контраст**); «Нет, смерть меня не ждет и *жизнь* проста И радостна» (**В сополож.**). Не все пометы подобного рода автор комментирует, поэтому в некоторых случаях возникают вопросы по использованию или, чаще, неиспользованию конкретной пометы. Так, многочисленные примеры употребления послепометы **Повтор** показывают, что она выражает, прежде всего, прямой повтор заголовочного слова, повтор его в разных словоформах. См., например, в статье БОГ₁: «Можно вспомнить о *Боге* и *Бога* забыть, Можно душу свою навсегда погубить Или душу навеки спасти – Оттого, что шиповнику время цвести И цветущая ветка качнулась в саду, Где сейчас я с тобою иду» (**Повтор.** **В паралл.**). В этой же статье без пометы приводятся другие контексты: «Родители его были Не бедны и не богаты, Он учился, молился *Богу*, Играл в снежки и солдаты <...> Полюбил водку и женщин, Разучился *Богу* молиться, Жил беззаботно, словно Дерево или птица»; «Пустынна и длинна моя дорога, А небо лучезарнее, чем рай, И яхонтами на подоле *Бога* Сквозь дым сияет горизонта край. <...> Но кажется, устав от дел тревожных, Не слышит старый и спокойный *Бог*, Как крылья ласточек неосторожных Касаются его тяжелых ног». Подобные примеры есть и в других статьях – **ВЕЧНО**, **ДОМ**, **ДУША**, **РОЗОВЫЙ**, **РОССИЯ**. Так, в последней статье в разных значениях приводятся сходные по построению строки из стихотворения «Россия счастье. Россия свет...». В одном случае помета **Повтор** дается, в другом – нет: 2. Советское государство. <...> «И нет ни Петербурга, ни Кремля – Одни снега, снега, поля, поля... <...> Россия тишина. Россия прах. А, может быть, Россия – только страх. <...>» (299); 3. Покинутая родина, существующая в воображении и памяти лирического героя. <...> «Россия счастье. Россия свет. А, может быть, России вовсе нет» (**Повтор**) (299).

Рассмотренные зоны составляют в совокупности концептуальную часть словарной статьи, дополняемую зоной лексических функций – синтагматических и парадигматических. Первые характеризуют заголовочное слово как компонент высказывания (субъект, объект, предикат, эпитет и т.д.), вторые – восстанавливаются на материале макротекста (это синонимы, антонимы, перифразы, символы и т.д.). Данные словаря позволяют выделить определенный набор типовых функций, обнаруживаемых в большинстве статей. Вместе с тем отмечается и ряд индивидуальных функций, свидетельствующих о гибкости автора в подходе к такому измерению материала. Например, в тезаурусной зоне первого значения статьи **СНЕГ** содержатся и характерные для слова функции, и индивидуальная (так называемый «квант»):

Эпитеты: белый (67), морозный (93, 95), <...> привольный (94) <...>

Предикаты (снег – субъект): пожелтел, обтаял (63), покрывает, растает (67) <...>

Предикаты (снег – объект): наполнена урна (72), пололи *снег* (93) <...>

Предикаты (снег – локус): нашла в *снегу* (91), упал на *снег* (125) <...>

Квант (снег – целое): хлопья (161)

Оппозиты: весна (294, 323), таянье (405)

Перифразы: веселый рой (48), снежная, белая, святая краса (480) <...>

Ассоциаты: холод (67, 72, 93), холодно (246); ледяшки (63), <...> мороз (93, 241, 480, 490) <...>

Примеры, иллюстрирующие каждую функцию в отдельности, детализируют тот или иной аспект конкретного ключевого слова, в совокупности же они представляют его многосторонне, объемно, дают возможность установить основные направления ассоциирования слова в авторской поэтической картине.

Реализованный в труде И.А. Тарасовой тип словаря языка поэзии представляется весьма перспективным. Это видно, полагаем, и по нашим наблюдениям, и по небольшим, но показательным фрагментам Предисловия, содержащим лингвопоэтические выводы из описанного материала: «Опыт работы над Словарем показал, что вокруг разных смысловых линий, по которым развивается семантика ключевого слова, группируются разные синтагматические партнеры. Например, “снег” как атрибут вечности сопровождается в поэзии Г. Иванова эпитетами “нетающий”, “почти альпийский”, “девственный”, а “снег” как знак России устойчиво характеризуется определением “русский”» (с. 9). Не вызывает сомнений, что словарь, адресованный, прежде всего, филологам, специалистам в области языка худо-

жественной литературы, лингвистической поэтики, авторской лексикографии, будет содействовать им в дальнейшем изучении наследия Георгия Иванова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов 1993 – *Г.В. Иванов*. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1993.
- Иванова Н., Иванова О. 2004 – *Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова*. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.). М., 2004.
- Кожевникова, Петрова 2000 – *Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова*. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 1: «Птицы» / Отв. ред. М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев. М., 2000.
- Кублановский 1995 – *Ю.М. Кублановский*. Голос, укрепленный отчаянием // Иванов Георгий. Зеркальное дно: Избранное. М., 1995.
- Павлович 1999 – *Н.В. Павлович*. Словарь поэтических образов: В 2 т. М., 1999.
- САТГ – Словарь автобиографической трилогии М. Горького: В 6-ти вып. с прил. Словаря имен собственных. Л., 1974–1990.
- СМЦ – Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 т. / Сост. И.Ю. Белякова, И.П. Оловянная, О.Г. Ревзина. М., 1996–2004.
- СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века / Сост. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова, В.В. Бакеркина, А.В. Гик, Л.И. Колодяжная, Т.Е. Реутт, Н.А. Фатеева. Отв. ред. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова. Т. I: А – В. М., 2001; Т. II: Г – Ж. М., 2003; Т. III: З – Круг. М., 2008.
- Тарасова 2003 – *И.А. Тарасова*. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / Под ред. М.Б. Борисовой. Саратов, 2003.
- Шестакова 2007 – *Л.Л. Шестакова*. Авторская лексикография на рубеже веков // ВЯ. 2007. № 6.

Л.Л. Шестакова